

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет
Кафедра теории литературы

В.Е. ХАЛИЗЕВ
А.А. ХОЛИКОВ
О.В. НИКАНДРОВА

РУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
(1900 – 1960-е годы)**

Учебное пособие

2-е издание, исправленное и дополненное

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 8(091)

ББК 83

X17

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

Б.Ф. Егоров — доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник-консультант СПбИИ РАН;

С.И. Кормилов — доктор филологических наук,
профессор кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса МГУ имени М.В. Ломоносова;

Д.С. Московская — доктор филологических наук,
заведующая отделом рукописей ИМЛИ РАН.

Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В.

X17 Русское академическое литературоведение: История и методология
(1900–1960-е годы): Учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.; СПб.:
Нестор-История, 2017. — 176 с.

ISBN 978-5-4469-1084-7

В учебном пособии обсуждаются вопросы, связанные с методологическим развитием русского литературоведения 1900–1960-х годов. Особое внимание при этом уделяется не только академическим школам и их признанным лидерам, но и вненаправленческим концепциям, а также несправедливо забытым исследователям. Авторы сопоставляют и анализируют разные, порой несовместимые между собой научные установки. Подобная стратегия призвана способствовать свободному самоопределению будущих литературоведов.

Для студентов, аспирантов, преподавателей филологических специальностей высших учебных заведений, а также всех, кто интересуется вопросами истории и методологии гуманитарных наук.

Khalizev V.E., Kholikov A.A., Nikandrova O.V.

The Handbook of Russian Academic Literary Criticism. History and Methodology (1900–1960). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Historia, 2017. 176 pp.

This handbook deals with questions related to the methodological development of Russian literary criticism between 1900 and the 1960s. The focus is not only on academic schools and their renowned leaders, but also on theories generated out of critical currents and on unjustly forgotten scholars. The authors compare and analyse different and sometimes mutually exclusive academic approaches. Such a strategy is aimed at stimulating the independent thinking of the future literary critics. This handbook is targeted for students, Ph.D. students and candidates, teachers of literature of high schools and universities and for all those who are interested in the development of methodologies in the humanities.

ISBN 978-5-4469-1084-7

9 785446 910847

© Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В., 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
О составе литературоведения и специфике его методологии.....	8
Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского.....	29
Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология/мировоззрение).....	53
Догматическое литературоведение в эпоху господства марксизма- ленинизма.....	81
Становление русского структурализма: ранние работы Ю.М. Лотмана.....	109
Научные школы и вненаправленческое литературоведение.....	128
Предметный указатель.....	161
Именной указатель.....	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осмысление и систематизация наследия отечественной науки о литературе ушедшего столетия — процесс длительный и трудоемкий. Потребность в современной, освобожденной от идеологического налета *истории русского академического литературоведения XX века* особенно остро ощущается в процессе вузовского преподавания¹. Ее отсутствие оставляет в несправедливом забвении труды многих ученых и не позволяет представить картину научной жизни в относительной полноте и очевидной сложности. Между тем систематическое изучение знания, накопленного сторонниками разных методологических установок, поможет глубже понять и уточнить содержание и предмет литературоведения как развивающейся научной дисциплины, смысл ее категорий, или «ключевых слов» (по определению А.В. Михайлова), место среди родственных наук и в культуре в целом².

---

¹ Мы исходим из сложившейся традиции относить текущий литературный процесс к предмету литературной критики, история которой — предмет иного, хотя и смежного, курса. См., например, учебную (книги С.И. Кормилова и Е.Б. Скороспеловой, А.П. Казаркина, М.М. Голубкова) или научную литературу: *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010; *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи* / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011.

² Многое в этом направлении уже сделано. См.: *Русская наука о литературе в конце XIX — начале XX в.* / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1982; *Литературоведение на пороге XXI века* / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1998; *Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс)* / Отв. ред. и сост. А.А. Ревякина. М., 2001; *Русские литературоведы XX века: Проспект словаря* / О.А. Клинг, А.А. Холиков. М., 2010; *Сегал Д.М.* Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. М., 2011; *Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции* / Под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб., 2012. Из учебных пособий: *Барут К.А.* Русское литературоведение

Содержание и структура данного учебного пособия формировались на протяжении двух последних десятилетий при чтении соответствующих лекционных курсов на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В его основу легли публикации авторов, существенно исправленные и специально переработанные для настоящего издания³.

Главная задача книги — обсуждение вопросов, связанных с *методологическим* развитием русского литературоведения 1900–1960-х годов, как в научном, так и широком социокультурном контексте. Особое внимание при этом уделяется не только *академическим школам* и их признанным лидерам, но и *внеакадемическим* концепциям, а также несправедливо забытым исследователям.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, авторы выбрали один из важнейших и, пожалуй, самых драматичных периодов в развитии русской науки о литературе, неотделимый от общественно-политической жизни страны. «История отечественной гуманитарной науки в годы советской власти, — справедливо замечает современный исследователь, — может быть охарактеризована как эпоха противостояния науки и идеологии. Это противостояние закончилось неминуемым подчинением науки идеологическому диктату, уничтожением как отдельных ученых, так и целых научных школ и направлений. Наука

XX века: В 2 ч. СПб., 1997; Кузьмичев И.К. Литературоведение XX века. Кризис методологии. Н. Новгород, 1999.

³ См.: Хализев В.Е. 1) О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). М., 2001; 2) О стратегиях анализа литературного произведения // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66. № 6; 3) О языке современного литературоведения // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 2; 4) Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма (1930–1980-е годы) // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012, Хализев В.Е., Холиков А.А. Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 5, Хализев В.Е., Никандрова О.В. Научные школы и внеакадемическое литературоведение в России XX века // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2014. Т. 73. № 5, Хализев В.Е., Холиков А.А. Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология / мировоззрение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 1. Авторы выражают искреннюю благодарность В.И. Масловскому за ценные замечания, высказанные в процессе подготовки учебного пособия к печати.

о литературе полностью разделила эти тяготы»⁴. Пособие, таким образом, призвано интегрировать в сознании учащихся не только частные теоретико-методологические проблемы литературоведения первой половины XX века, но и рассмотреть их в связи с положением других гуманитарных наук (философии, искусствоведения, истории). Предполагается, что читатели уже имеют общие представления о проблемах теории литературы и обладают базовыми знаниями о литературоведческих учениях, сформировавшихся в рамках ведущих научных школ и направлений.

Методологическая установка, лежащая в основе курса, может быть названа *координирующей*, скорее сопрягающей, нежели альтернативной. Авторы сопоставляют и анализируют разные, порой несовместимые между собой исследовательские идеи и концепции. Подобная стратегия, хочется надеяться, в состоянии способствовать *свободному самоопределению* будущих литературоведов.

В первой (вводной) главе обсуждается проблема состава литературоведения и специфики его методологии. Речь идет о разных путях осмысления произведений в их сложности и глубине. Поднимается не утрачивающий своей актуальности вопрос о научности литературоведения (т.е. адекватности толкования текста), который напрямую связан с вовлеченностью личности ученого в им вершимые познавательные процессы.

Во второй главе внимание сосредоточено на наследовании традиций Александра Веселовского учеными первых полутора — двух десятилетий XX века. Здесь подробно говорится об их теоретико-методологических установках и прежде всего — подходах к изучению единичных литературных фактов и личностного начала в составе творчества писателей.

Третья глава освещает методологию русских формалистов в связи с их мировоззрением. Речь, в частности, идет о том, что в основе как теоретических построений, так и мировоззренческих установок представителей формальной школы заложена парадоксальность в широком смысле этого слова. Формализм встраивается в один ряд со звеньями русского утопизма начала XX века (ницшеанством и марксизмом, космизмом и «новым религиозным сознанием»).

---

⁴ Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 7. В 2016 г. вышел 3-й том этого же исследования «Дело Константина Азадовского».

Четвертая глава — это опыт сугубо предварительного рассмотрения атмосферы жизни и деятельности литературоведов советского времени, находившихся под идеологическим прессом, наиболее тяжким в 1930–1940-е годы. С опорой на редкие (в том числе архивные) источники показано, как ученые (вопреки всем трудностям, казалось бы, непосильным) защищали от давления извне свое дело и самих себя.

В пятой главе рассматриваются методологические поиски Ю.М. Лотмана в работах 1950-х — начала 1960-х годов. Предпринимается попытка показать взаимосвязь исследований этого периода с научной традицией XIX — начала XX веков, а также выявить их значение для дальнейшего развития русского структурализма. Особое внимание уделено установке на совмещение структурного и исторического изучения текста как предпосылке рождения лотмановской теории культуры.

В заключительной (шестой) главе, с одной стороны, дается итоговая оценка всех рассмотренных направлений, а с другой — характеризуется вненаправленческое литературоведение (основанное на близости мировоззренческих и гносеологических предпосылок), которое в большей степени свободно от крайностей редукционизма (как стадийно обусловленного, так и стимулирующегося групповыми пристрастиями и интересами, т. е. идеологизированного).

Постраничные примечания и библиографические списки после каждой главы являются рекомендациями для самостоятельного ознакомления с дополнительной литературой. Книга адресована в первую очередь студентам, аспирантам, преподавателям филологических специальностей высших учебных заведений, а также всем, кто интересуется вопросами истории и методологии гуманитарных наук.

О СОСТАВЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И СПЕЦИФИКЕ ЕГО МЕТОДОЛОГИИ

Слово «метод» (др. греч. *méthodos*: путь познания) имеет ряд значений. Одно из них первоначальное и поныне сохраняющееся — путь к цели. Под «методологией» нередко подразумевают «систему приемов исследования»¹, т. е. «технику», методику работы ученых. Но данный термин со времен Декарта имеет также иной, более глубокий смысл. Научная методология — это учение о подходе к объекту, о путях познания определенных аспектов мира, «подведомственных» какой-либо научной дисциплине.

Понятие «научный метод» составляет предмет огромного количества философских и частнонаучных трудов. Здесь есть своя классика: от «Рассуждения о методе» (1637) Р. Декарта до труда Г.-Г. Гадамера «Истина и метод» (1960). В XX веке проблемы методологии обсуждаются весьма активно. Знаменательно появление в предреволюционной России монументальной монографии А.М. Евлахова (1910–1917)², которая положила начало нескончаемому и порой весьма бурному потоку работ о литературоведческой методологии (хотя, заметим, этот поток в последнее время заметно иссяк).

Методы литературоведения (как и других наук) «разноуровневы». Во-первых, филологи опираются на общенаучную методологию и на

---

¹ *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: набросок плана // *Он же.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006. С. 6.

² *Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1–2. Варшава, 1910–1912. Т. 3. Р. н/Д., 1917. До Евлахова методологические концепции изучения истории литературы не излагались систематически, а представляли собой их краткий обзор в хронологической последовательности. См.: *Ситовский В.В.* История литературы как наука. СПб.; М., 1906; *Архангельский А.С.* Введение в историю русской литературы. Пг., 1916.

методы, адекватные задачам определенной группы наук (в нашем случае — гуманитарных). Во-вторых, литературоведы используют (и до-создают) специфические методы собственной науки и ее отдельных областей. И чем более дифференцировано научное знание, тем богаче и разнообразнее область его методологии.

* * *

Ныне, как никогда ранее, наука о литературе «полиобъектна», если так можно выразиться. Литературная жизнь в различных ее гранях является предметом целого ряда научных дисциплин *с особыми, специфическими методами каждой из них.*

Литературоведению «подведомственны» не только словесно-художественные произведения как таковые, но и многое другое: 1) процессы творческой деятельности писателей и их биографии; 2) сфера восприятия литературы читателями; 3) разного рода литературные «общности» — жанры или национальные литературы, литературные эпохи; 4) всемирная литература как таковая или эволюция художественных форм и творческих принципов и т. п. Литературоведение составляет при этом не конгломерат дисциплин, а некое их единство, имеющее определенный центр.

Существующие опыты систематизации аспектов науки о литературе представляются недостаточными. Избыточно схематична и весьма неточна следующая привычная (см. учебник Л.И. Тимофеева) характеристика литературоведческих дисциплин: основополагающие — теория литературы, история литературы (с примыкающей к ней критикой); вспомогательные — текстология, библиография и др. Сфера конкретных литературоведческих исследований (именно она логически соотносима с теоретическими штудиями), однако, далеко не сводится к истории литературы.

Подлежащая научному рассмотрению конкретика литературной жизни — это совокупность отдельных (единичных) словесно-художественных произведений с их текстами и более крупных, неединичных феноменов (общностей) литературной жизни, будь то константы художественной словесности (мифологемы, архетипы) или собственно историко-литературные явления. При этом в составе науки о литературе первичным, исходным является постижение *единичных* словесно-художественных произведений, тогда как уяснение более широких и емких феноменов (в том числе истории литературы) вторично, производно: оно зависит от итогов рассмотрения отдельных художественных творений.

В 1940-е годы В. Кайзер справедливо утверждал, что главный, центральный предмет науки о литературе — поэтическое произведение как таковое, а все остальное (генезис литературного творчества, его воздействие на читателя, собственно история литературы) расположено вокруг этого центра³. Подобные мысли находим у Г. Зедльмайра⁴.

Ученые сосредоточились на словесно-художественных произведениях как таковых лишь в XX веке. В опытах изучения словесного искусства в XIX столетии преобладал взгляд как бы *сквозь* произведения; внимание концентрировалось главным образом на том, что их обусловило и породило: мифы и предания, литературные и идейные влияния и заимствования, явления социальной психологии и общественной мысли, факты биографии писателей и т.п. Направленность взгляда ученых (или псевдоученых) преимущественно на внелитературные феномены имела место и в XX столетии. Таково марксистское литературоведение, сосредоточенное на социально-классовых истоках творчества писателей более, чем на нем самом. П.Н. Сакулин не без оснований сетовал, что наука о литературе стала лишь «служанкой истории и социологии»⁵.

Перенесение акцента с внелитературных факторов творчества на сами словесно-художественные творения побудило ученых к уяснению состава и структуры произведений, к интенсивной разработке *теоретической поэтики*, а также к раздумьям методологического характера — о путях постижения произведений в их сложности и глубине.

Правомерно выделить три феномена в составе изучения литературного произведения. Это, во-первых, рассмотрение текстов как некой эмпирической данности, нередко требующее напряженной исследовательской работы (*текстология*). Во-вторых, это проблемно-систематизирующее изучение художественной формы, т.е. ее описание и анализ на основе данных *теоретической поэтики*. И, наконец, в-третьих, это смыслопостижение, т.е. *интерпретация*.

Текстология, как справедливо говорят современные ученые, не является всего лишь вспомогательной и служебной дисциплиной; ее

---

³ См.: Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. Bern, 1948.

⁴ См.: Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000.

⁵ Сакулин П.Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 31.

следует отнести к опорным областям литературоведения, располагающим своей собственной теоретико-методологической базой, весьма специфичной и достаточно надежной, что явствует из работ Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, Д.С. Лихачева, А.Л. Гришунина и ряда других ученых. Иначе обстоит дело в мире *интерпретирующей поэтики*. Здесь много теоретически и методологически непроященного.

* * *

Более или менее уяснены принципы рассмотрения словесно-художественной формы. В значительной мере устоялись и признаны большинством ученых восходящие к античной риторике представления о трех ее основных аспектах, подлежащих анализу. Они закреплены словами: *предметность* (мир произведения, предметная изобразительность), *художественная речь* (стилистический и ритмико-фонетический «пласты» формы) и, наконец, *композиция* (структура в узком и строгом смысле слова). Обладают достаточной определенностью и научные подходы к словесно-художественной форме: описание и систематизация ее элементов как «факторов художественного впечатления»⁶.

Гораздо меньше познаны возможности и перспективы освоения содержания литературных произведений, пути проникновения в глубины художественных смыслов. Именно в области теории и практики интерпретаций таится, на наш взгляд, главная болевая точка литературоведческой методологии, на которой мы и сосредоточимся.

Как известно, в составе восприятия и постижения литературных произведений (и «обычным» читателем, и искушенным филологом) не последнюю роль играют начала внерациональные, интуитивные, непосредственно эмоциональные. Этим и предопределяется недоверие к научности интерпретации, подогревающее нескончаемые дискуссии. Восприятие словесно-художественного творения как целого, имеющего эстетическую ценность и, главное, несущего некий смысл, порождает ситуацию поистине драматическую. Литературоведы неотвратимо встают перед антиномией объективного и субъективного, рационального и интуитивного. Вне установки на полную достоверность высказываемого нет науки, а без эмоционально-оценивающего восприятия произведений нет пути к познанию его содержания. Преодолима ли эта антиномия? И не следует ли аналитикам художественных творений

---

⁶ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 47.

с порога отказаться от интерпретаций? Ответы на эти роковые вопросы литературоведения даются разные.

Познавательный статус интерпретаций активно и, на наш взгляд, плодотворно обсуждался немецкими филологами (1950–1970-е годы), опиравшимися на учение о понимании (герменевтику). Труды этих ученых разнонаправленны. В ряде случаев постижение художественных смыслов выводилось ими за рамки научного знания. Так, Гуго Фридрих утверждал, что освоение произведений связано прежде всего с наслаждением, но не с областью познания как такового. И называл опыты рассмотрения словесного искусства «наслаждающейся наукой» (*genießende Wissenschaft*), считая их частью самой поэзии⁷.

В других случаях интерпретирующая деятельность рассматривалась немецкими учеными как причастная аналитике и собственно научному знанию. Такова главная установка Эмиля Штайгера. Подобно Фридриху, ученый настаивал на том, что в составе интерпретаций неотъемлемо важны и даже первичны внерациональные начала. По его словам, интерпретирующая деятельность не в полной мере согласуется с научными установками и по своей сути соприродна скорее искусству, чем науке: истолкователю поэтического произведения подобает быть влюбленным в него (*inniger Liebhaber*)⁸. В то же время Штайгером вводится понятие «правильной интерпретации», которая действительна (*ist wahr*), когда соответствует произведению, которое тоже действительно. Исходный субъективный опыт интерпретатора при этом служит интересам самого произведения: читательское чувство становится базисом собственно научной работы. Штайгер подчеркивает, что толкователю произведения не подобает повиноваться непосредственному впечатлению от него: он должен быть готовым оспорить себя текстовыми фактами, ибо художественное творение может быть понято *только* из него самого. Интерпретирующая деятельность, утверждает Штайгер, требует как живого отклика на произведение, так и добросовестности, терпения, эрудиции⁹.

---

⁷ *Friedrich H.* Dichtung und die Methoden // *Die Werkinterpretation*. Darmstadt, 1967. S. 8.

⁸ *Staiger E.* Die Kunst der Interpretation. Zürich, 1955. S. 150.

⁹ *Staiger E.* Das Problem der wissenschaftlichen Interpretation von Dichtwerken. Ein Radiovortrag // *Worte und Werte: Bruno Markwardt zum 60. Geburtstag*. Berlin, 1961. S. 355–358.

Работы Штайгера (и тем более Фридриха) отмечены односторонностью, а именно бóльшим акцентом на «внерациональном» фундаменте интерпретаций, чем на их научно-познавательных аспектах. Малоубедительны «императив» влюбленности интерпретатора в творение искусства и представление о литературоведении как «наслаждающейся науке»; произведение может быть истолковано серьезно и глубоко при самом разном отношении к нему. Но ведущая методологическая установка «школы интерпретации» представляется верной и плодотворной: суждения об активной вовлеченности в интерпретирующую деятельность ее субъекта совершенно справедливы (заметим, что на эту тему высказывался еще В.Г. Белинский).

Идеи Штайгера были предварены А.П. Скафтымовым, который, намного обгоняя науку своего времени, в 1923 году писал: «Исследователю художественное произведение доступно только в его личном эстетическом опыте. В этом смысле, конечно, его восприятие субъективно. Но субъективизм не есть произвол... Исследователь отдается весь художнику, только повторяет его в эстетическом сопереживании, он лишь опознает те факты духовно-эстетического опыта, которые разворачивает в нем автор»¹⁰.

«Школе интерпретации» во многом близка книга Г. Зедльмайра, говорившего о существовании двух наук об искусстве. Первая является собой констатирующее изучение художественных форм: здесь при описании произведений не находится места их пониманию. Вторая наука об искусстве, лишь формирующаяся, является, по Зедльмайру, прежде всего *понимающей*; она весьма перспективна, но рискует оказаться аморфной, лишенной строгости и превратиться из науки в литературу; у этой становящейся науки, по сути верной своему предмету, «нет общепризнанных критериев»¹¹ (имеется в виду последовательная рациональность, логическая упорядоченность суждений).

Подобного взгляда на изучение художественных произведений придерживался Н. Мекленбург. Он ратовал за соединение в деятельности «критического интерпретатора» и непосредственного понимания,

---

¹⁰ Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // *Он же*. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 29.

¹¹ Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000. С. 75.

и строгой аналитики. Герменевтическое понимание (*Verstehen*) и аналитическое разъяснение (*Erklären*), утверждал ученый, нераздельны (*sind nicht zu trennen*). При этом он решительно выводил за рамки «критических интерпретаций» непосредственно эмоциональные отклики на словесное искусство, если они лишены аналитического обоснования. Позиция литературоведа, по Мекленбургу, — это не благоговейное созерцание произведения, не наслаждение им; интерпретатору-аналитику подобает прежде всего рефлектирующее и даже отстраненное постижение произведений, которое, однако, имеет «понимающий» характер: «Мы должны не переживать, а понимать». Критическая интерпретация, считает ученый, требует не простого «вчувствования» в произведение (*Einfühlung*), а взгляда на него со стороны — «отчуждения» (*Verfremdung*)¹². Это последнее понятие, заметим, сродни бахтинскому опорному слову «внеаходимость».

Теоретико-методологические суждения Штайгера, Зедльмайра, Мекленбурга (как и предвавшего их Скафтымова) отвергают и волюнтаристский произвол, нередко присутствующий в интерпретациях, и самодовлеющую, «внеинтерпретационную» аналитику. Они констатируют и обосновывают взаимодополняющий характер интуиции и рациональности в деятельности литературоведа, сущностную согласуемость непосредственного чувства ученого и его логически упорядоченного мышления.

* * *

В теориях интерпретации, о которых шла речь, активно учитываются специфические черты гуманитарного знания и принципы герменевтики — то, что стало в начале XX века предметом научно-философских штудий В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея, М. Вебера, В. Штерна; позже — Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, а также Г.-Г. Гадамера. Эти мыслители решительно отвергли традиционно-рационалистическое (в духе Декарта и Лапласа) представление о примате физико-математических наук в составе человеческого знания. Ими было прочно и надежно установлено, что методы естественных и гуманитарных наук различны и что это различие вытекает из разности их объектов: природа — дух и культура; общее — индивидуальное; ценностно нейтральное — соотносимое с ценностями; безгласная вещь — личность

---

¹² *Mecklenburg N.* Kritisches Interpretieren. Untersuchungen zur Theorie der Literaturkritik. München, 1972. S. 49, 46.

как говорящее бытие. Естественные науки «бессильны перед... человеческой жизнью» — этими простыми и ясными словами Х. Ортега-и-Гассет как бы резюмировал многочисленные штудии рубежа XIX–XX веков о сущностной разнокачественности научного знания¹³.

Благодаря трудам названных мыслителей стало очевидно, что в гуманитарном познании (искусствоведении и особенно в литературоведении) интуиция играет гораздо бóльшую и принципиально иную роль, нежели в науках естественных и математических. Если «безгласное бытие», подведомственное наукам о природе, постигается посредством *изначального* рационально-аналитического вычленения из рассматриваемых общезначимых граней и аспектов — повторяемостей всякого рода, то для гуманитария, исследующего единичные явления (тексты с их неповторимыми смыслами), существенно нечто принципиально иное. *Весь* его познавательный акт направляется и сопровождается оценивающим восприятием избранного для изучения объекта. Здесь (в особенности при обращении к художественным творениям) интуиция — не только вспомогательный и служебный момент рациональности, что наличествует во всех областях науки, но также (и это главное!) первичный и исходный аспект познавательного процесса, нечто первостепенно значимое. «...Всякое изучение ритмических явлений... должно базироваться на непосредственном ритмическом впечатлении», — утверждал С.М. Бонди. И замечал, что статистический метод (при всей его важности) недостаточен: подсчеты могут «установить только очень простые, примитивные закономерности» (имеется в виду рассмотрение отдельных текстов, а не состояние и эволюция стиховых форм), «ритмическое же чувство несравненно тоньше, точнее, четче», и «оно способно подметить самые сложные или слабо выявленные ритмические закономерности»¹⁴.

Интуиция в науках об искусстве — это, однако, не только эстетическое чувство и проявление художественного вкуса, но также явление «дальнозорких инстинктов» (А.А. Ухтомский), которые связаны со «строем» человеческой души, ценностными ориентациями и широкой нравственной сферой. Все это и составляет первооснову, фундамент аналитических интерпретаций.

---

¹³ Ортега-и-Гассет Х. История как система // *Он же. Избранные труды*. М., 1997. С. 448.

¹⁴ Бонди С.М. О ритме // *Контекст*. 1976. М., 1977. С. 119–120.

Но как ни очевидно участие непосредственного чувства ученого в процессе интерпретации, ему следует оставаться в «подтексте» аналитических операций. Словесное воплощение познанного литературоведом должно быть рационально строгим, логически упорядоченным. Из *научного* изложения, как верно заметил М.Л. Гаспаров, интуицию следует решительно изгнать¹⁵.

Рациональны, однако, не одни только текстовые воплощения познанного. При собственно научной установке само интуитивное восприятие словесно-художественного творения как целого подлежит «рационализации». Здесь возникают самые предварительные суждения, необходимые ученому для его дальнейшей работы как аналитика. Умственная рефлексия литературоведа (говоря иначе) имеет своим предметом не только художественно-текстовую данность, но и данность самого восприятия. Читательская интуиция и интерпретационный разум идут рука об руку. И в результате словесно-художественный текст постигается как единство откровения и сокровения его смысла и стоящей за ним личности творца.

Рациональные и интуитивные начала, как видно, в равной мере необходимы в познании литературных произведений. Абсолютизация первой из этих гносеологических граней интерпретирующей деятельности в ущерб второй способна обернуться бесплодной механистичностью; переоценка роли интуиции чревата венаучным произволом. При этом *ratio* ученого, обратившегося к словесно-художественному произведению, вторично по отношению к *intuitio*. Аналитический разум развивает и углубляет данные непосредственного чувства, и таким образом познавательный процесс достойно завершается. Иными словами, путь, по которому движется сознание интерпретатора-аналитика, пролегает от специфически гуманитарного сплава интуитивного и рационального (где преобладает первое) к более строгой, общенаучной, понятийной рациональности, благодаря которой познание достигает своей вершинной точки.

Литературоведческая рациональность составляет нескончаемо становящийся в единичных «интерпретационных действиях» *центр* работы ученых. Но этот центр обретает реальное бытие только в тех случаях, когда наличествует *фундамент* деятельности интерпретатора-аналитика, в котором решающая роль принадлежит интуиции.

---

¹⁵ Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 471.

* * *

Понятие, наиболее важное для собственно научного смыслопостижения, — *содержательность* художественной формы. Оно вошло в мир искусствоведения на рубеже XIX–XX столетий (*gehalterfüllte Form* у Й. Фолькельта) и закрепилось в отечественном литературоведении (значительно позже) благодаря М.М. Бахтину, который в конце 1920-х годов писал: «...в каждом мельчайшем элементе поэтической структуры... мы найдем то же химическое соединение познавательного определения, этической оценки и художественно-завершающего оформления»¹⁶. Опираясь словосочетаниями «содержательная форма», «оформленное содержание», «формообразующая идеология», ученый утверждал, что художественной форме нужна «внеэстетическая весомость содержания»¹⁷.

Рассмотрение содержательной формы единичных литературных произведений, как это явствует из сказанного, неизменно оказывается субъективно окрашенным. Подобно тому как словесно-художественный текст запечатлевает черты его творца, интерпретация произведения — это *след* личности и мироотношения филолога. Лишенная этого свойства аналитика рискует оказаться механистической, скользящей по поверхности творений искусства.

Так вырисовывается одна из существенных сторон литературоведческой методологии. Это — активная вовлеченность личности ученого в им вершимые познавательные процессы, вовлеченность именно его личности, а не только интеллекта. Эксперименты над животными и растениями, наблюдения над ними и неживой природой, интеллектуальные построения математиков тоже, конечно, осуществляются личностями. Но в работах математиков и «естественников» их мироотношение, ценностные ориентации, эстетические пристрастия не обнаруживаются. Рассмотрение же художественных творений (как и всего единично ценного) — дело иное. И в выборе объекта изучения, и в самом его постижении здесь очень многое определяется эстетическими, а также нравственными, религиозными, философскими представлениями ученого. Литературоведческая субъективность не только не препятствует научности создаваемых работ, но, напротив, ее стимулирует. «Настоящему, призванному филологу, — пишет С.Г. Бочаров, — надлежит

---

¹⁶ *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. М., 2003. С. 153.

¹⁷ *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 34.

быть тоже писателем, литературоведение — это тоже литература»¹⁸. Уточним: не художественная литература в прямом смысле слова (хотя образность ей вполне доступна), не публицистика (хотя этот компонент вполне может в ней присутствовать) и тем более — не эссеистски-игровая критика. Литературоведческие штудии устремлены к постижению *тайн* словесного искусства, присутствующих в нем «сгустков» человеческого опыта — непосредственного жизненного, нравственного, философского, религиозного. В связи с этим достойны внимания слова Андрея Платонова о толкованиях литературных произведений, суть которых — «дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, “основным” автором... “довыработка” недр, дальнейшее совершенствование мысли автора»¹⁹.

Таким образом, интерпретационные штудии несут в себе начало подлинной научности, а в то же время (в своих высоких образцах) выходят за рамки собственно науки в общегуманитарную сферу, оказываясь подобиями самих художественных созданий, ибо личностны и миросозерцательно значимы. Сошлемся еще раз на А. Платонова: наука действует, «не заботясь о той сущности, где хранится истинная живая тайна мира»²⁰. И добавим, что аналитики творений искусства (как и сами создатели) к заботам подобного рода причастны. Именно это придает их деятельности культурно-историческую весомость.

* * *

Интерпретирующая аналитика, ориентирующаяся на понятие *содержательной формы* и предполагающая активную вовлеченность в познавательный процесс ее субъекта, — это едва ли не важнейший для литературоведения научный метод. Он в полной мере отвечает гуманитарной специфике литературоведения. Однако этот методологический путь не является единственным при рассмотрении произведений и признается далеко не всеми: существуют по меньшей мере еще два.

Во-первых, это самодовлеюще-описательный подход к произведению исключительно как к тексту. Такой метод устраняется от рассмотрения художественного содержания, игнорирует интерпретацию,

---

¹⁸ Бочаров С.Г. Огненный меч на границах культур. Идея обратного перевода // *Он же*. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 610.

¹⁹ Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 209.

²⁰ Там же. С. 247.

с порога отмечает интуицию ученого. Подобного рода изучение литературы опирается на методологию негуманитарных, естественных наук. Говоря об этом литературоведческом методе (его правомерно назвать *сциентистским*), стоит вспомнить ряд феноменов: это — А.М. Евлахов, выступивший против разграничения Г. Риккертом наук о природе и истории²¹; это — родственные репликам тургеневского Базарова слова В.Б. Шкловского о том, что «старую форму нужно изучать, как лягушку»²²; это — ориентация Б.И. Ярхо на метод биологических наук²³; это — суждение структуралиста Ц. Тодорова о том, что интерпретация произведений находится вне пределов научной поэтики²⁴; это — слова Ю.М. Лотмана о том, что ныне на первый план выдвигаются не личные вкусы, опыт, темперамент ученого, а «типовая методика анализа»²⁵. С предельной, даже вызывающей жесткостью отверг изучение художественных смыслов Р. Барт, усмотревший в классических текстах «полчище смертоносных стереотипов», «тошнотворное месиво расхожих мнений»²⁶.

Во-вторых, существуют венаучные интерпретационные опыты, не опирающиеся на анализ. Они запечатлевают читательский отклик на произведение, но не притязают на доказательность суждений и могут оказываться произвольно субъективными, отдавая дань «интерпретационному авантюризму». Однако подобные опыты нередко становятся

²¹ *Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1. Варшава, 1910. С. 61.

²² *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 391.

²³ *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: набросок плана // *Он же.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006. С. 7.

²⁴ *Тодоров Ц.* Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 41. Заметим, что К. Леви-Стросс (тоже структуралист) придерживался другой точки зрения, нежели Тодоров. Он считал рассмотрение смысловой глубины литературных произведений достойным предметом науки, упрекал формалистов за потерю содержания, которое, по его мысли, открывается ученому как синтезирование данных анализа: «Анализ испытывается синтезом. Если синтез оказывается невозможным, значит, анализ был неполным» (*Леви-Стросс К.* Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа) // *Зарубежные исследования по семиотике фольклора.* М., 1985. С. 25).

²⁵ *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 6.

²⁶ *Барт Р.* S/Z. М., 2001. С. 188.

Юркун Ю.И. 60	Friedrich H. 12
Якобсон Р.О. 42, 59, 63–66, 70, 74, 76, 80, 111, 112, 133, 139, 158	Frye N. 26 Kayser W. 10 Mecklenburg N. 14
Ямпольский М.Б. 56	Rüdiger H. 25
Ярхо Б.И. 8, 19, 24, 28, 106, 147	Schleiermacher F.D.E. 20
Ясперс К.Т. 140	Staiger E. 12

**Валентин Евгеньевич Хализев
Алексей Александрович Холиков
Ольга Владимировна Никандрова**

**РУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:
ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
(1900–1960-е годы)**

Учебное пособие

2-е издание, исправленное и дополненное

Текст настоящего издания печатается в авторской редакции
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 15.03.2017. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 11. Заказ № 888
Тираж 1000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23